

с. 2.

подвал.

ВЪ ПРОВИНЦИИ.

Незнакомство съ Сахалиномъ.—Статья г. Чехова.—Географическое положеніе острова.—Первое впечатлѣніе.—Александровскій постъ.—Свобода каторжниковъ.—Жизнь поселенцевъ.—Каторга на Сахалинѣ.

Островъ Сахалинъ пользуется мрачною извѣстностью, но едва ли можно сказать, что его знаютъ. Обыкновенно, этотъ островъ представляется громадною тюрьмою, гдѣ лязгъ цѣпей и свирѣпныя лица каторжниковъ преслѣдуютъ на каждомъ шагѣ, чередуясь съ конвойными солдатами. Какъ живутъ его обитатели, эти отверженцы общества—мало кто интересовался. Этотъ индифферентизмъ проникъ и въ ученую литературу. Достаточно сказать, что до 1849 года Сахалинъ считался полуостровомъ, а порядочной карты окружающихъ его водъ до сихъ поръ не имѣется. Относительно же быта невольныхъ обитателей Сахалина, кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній, къ намъ ничего не проникало. Неизвѣстно даже дѣйствительное число его населенія.

Три года назадъ, на Сахалинѣ отпраздновалъ беллетристъ Ант. Чеховъ, отправился по доброй волѣ, съ цѣлью изслѣдовать его болѣе или менѣе точно. Результаты этихъ изслѣдованій и наблюдений появились въ послѣдней книжкѣ „Русск. Мысли“. Едва ли нужно говорить о большомъ интересѣ статьи г. Чехова. Безъ всякихъ претензій, правдиво описываетъ онъ видѣнное, и картина получается поразительная. Это—не „Мертвый домъ“ Достоевскаго, гдѣ разработана мрачная психологія каторги. Сахалинъ отовсюду совсѣмъ особнякомъ,—и на

некъ каторжники живутъ сравнительно легче. Они тамъ пользуются даже относительною свободою. Но если бы понадобилось сравнивать положеніе обитателей „Мертваго дома“ съ положеніемъ обитателей Сахалина,—трудно сказать, кто оказался бы несчастнѣе.

Островъ Сахалинъ, какъ извѣстно, лежитъ въ Охотскомъ морѣ, имѣетъ форму, удлинненную съ сѣвера на югъ, и по мѣрѣ одного изъ изслѣдователей, напоминаетъ стерлядь. Сѣверная часть Сахалина по своему географическому положенію соответствуетъ Рязанской губерніи, а южная — Крыму. Длина острова 900 верстъ, наибольшая ширина равняется 125, и наименьшая—25 верстамъ. Верхняя треть Сахалина, по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, не пригодна для поселенія; средняя треть называется сѣвѣрною, а нижняя — южною. Строго определенной границы между ними не существуетъ. Ссылные въ настоящее время живутъ въ сѣвѣрной части, по рѣкамъ Дуйкѣ и Тымѣ, и кромѣ того, по западному побережью.

Пароходъ „Байкаль“, на которомъ ѣхалъ г. Чеховъ, присталъ къ столу Сахалина—Александровскому посту, въ девятую часу вечера. Въ это время на берегу, въ пяти мѣстахъ, горѣла тайга (лѣсные пожары—явленіе обычное на Сахалинѣ, да и вообще въ Сибири). Страшная картина, грубо сѣро-красная изъ потемокъ, силуэтовъ горъ, дыма, пламени и огненныхъ искръ, казалась фантастическою. На лѣвомъ планѣ горать чудовищныя костры, выше ихъ—горы, изъ за горъ поднимается къ небу багровое зарево отъ дальнихъ пожаровъ. Вправо темною тяжелою массою выдается въ море мысъ Жонкьеръ, съ яркимъ свѣтомъ маяка на вершинѣ, а внизу, въ водѣ, между пароходомъ и берегомъ, стоятъ три остроконечныхъ рифа—„Три брата“. И все въ дыму, какъ въ аду.

Къ пароходу подошелъ катеръ, таща на буксирѣ баржу съ каторжными, которые должны были разгрузить пароходъ.

— Не пускать ихъ на пароходъ! раздался крикъ съ борта.—Они ночью весь пароходъ обкрадутъ!

Такъ встрѣтилъ Сахалинъ г. Чехова.

Двѣ версты отъ пристани до Александровскаго поста идетъ превосходное шоссе, съ канавами и фонарями. Рядомъ съ нимъ проложена рельсовая дорога. Но природа кругомъ поражаетъ своею бѣдностью: ни сосны, ни дуба, ни клена,—одна только лиственница, тощая, жалкая, точно огрѣзенная.

Александровскій постъ—небольшой благоустроенный городокъ сибирскаго типа, съ тремя тысячами жителей. Постройки всѣ деревянные: и церковь, и дома, и троттуары. Это—центръ сахалинской цивилизаціи. Тутъ живетъ начальник острова и вся администрація. Движеніе въ уѣздѣ значительное, хотя и своеобразное. Пройдетъ толпа гилыковъ, мѣстныхъ аборигеновъ, и на нихъ сердито лаютъ смиренныя сахалинскія дворняжки; вандальныя каторжныя, въ

шапкахъ и безъ шапокъ, звеня цѣпями, тащатъ тяжелыя тачки съ пескомъ. Сзади къ тачкамъ цѣпляются мальчишки. По сторонамъ плетутся конвойные съ потными красными лицами и ружьями на плечахъ. Каторжный въ халатѣ съ бубновымъ тузомъ ходитъ со двора на дворъ и продаетъ нгоду голубику.

Каторжные и поселенцы свободноразгуливаютъ по улицамъ, безъ кавдаловъ и конвою, и встрѣчаются на каждомъ шагу, въ одиночку и толпами. Они—кучера, сторожа, повара, кухарки и няньки. На первыхъ порахъ это очень смущало г. Чехова. Идетъ онъ мимо какой-нибудь постройки. Тутъ каторжные съ топорами, пилами и молотками. А вдругъ, думаетъ, размахнется и трахнетъ. Или придетъ къ знакомому, и не заставъ его дома, сидеть писать записку; сзади же въ это время стоитъ и ждетъ его слуга каторжный, съ ножомъ въ рукахъ, которымъ только-что чистилъ въ кухнѣ картофель. Или рано утромъ, часа въ четыре, онъ просыпается отъ какого-то шороха. Смотритъ—къ постели на цыпочкахъ, чуть дыша, крадется каторжный. Что такое? За чѣмъ?

— Сапожки почистить, ваше высокоблагородіе.

Но къ этому скоро привыкаютъ, привыкаютъ всѣ, даже женщины и дѣти. Сахалинскія дамы бываютъ совершенно спокойны, когда отпускаютъ своихъ дѣтей гулять съ няньками беззрочно-каторжными.

Получивъ разрѣшеніе начальства, г. Чеховъ рѣшилъ одѣлать перепись.

Такимъ способомъ онъ полагалъ ближе ознакомиться съ жизнью большинства ссыльных. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ ему приходилось быть, онъ обошелъ всѣ избы, записалъ хозяевъ, членовъ ихъ семей, жильцовъ и работниковъ. По наблюденію г. Чехова, каторжного смущаетъ его званіе. Онъ отвѣчаетъ обыкновенно: „рабочій“. Если же до каторги былъ солдатомъ, то непременно добавляетъ: „изъ солдатъ, ваше высокоблагородіе“. Отбывшій же срокъ каторги называетъ себя: „вольный“. Черезъ десять лѣтъ, а при благоприятныхъ обстоятельствахъ—черезъ шесть, поселенецъ получаетъ званіе крестьянина изъ ссыльных. Это—уже предѣлъ, его же не преjdeши. На вопросъ, какого онъ званія, такой крестьянинъ отвѣчаетъ съ гордостью: „я крестьянинъ“, но безъ прибавки: „изъ ссыльных“.

На Сахалинѣ попадаются избы всякаго рода, смотря по тому, кто ее строилъ: сибирякъ, холохъ или чухонецъ. Чаще же всего, это—небольшой срубъ, аршинъ въ восемь, двухъ или трехъ-оконный, безъ всякихъ наружныхъ украшеній, крытый соломою, корьемъ и рѣдко тесомъ. Двора нѣтъ. Возлѣ ни одного деревца. Если есть собаки, то вальяны, не злыя, и лаютъ только на однихъ гиляковъ. Но эти смиренныя, безобидныя собаки почему-то на привязи. Свинья съ колодкой на шеѣ. Пѣтухъ тоже привязанъ за ногу. На вопросъ о причинѣ такого обычая, хозяинъ обыкновенно отвѣчаетъ:

— У насъ на Сахалинѣ всѣ на цѣпи... Земля ужъ такая!

Въ избѣ одна комната, съ русскою

печью. Полы деревянные. Столъ, дватри табурета, скамья, кровать съ постелью. Случалось и такъ, что нѣтъ никакой мебели, и только среди комнаты лежить на полу перина, а на окнѣ стоитъ чашка съ объѣдками. По обстановкѣ, это—не изба, не комната, а скорѣе—камера для одиночнаго заключенія. Нѣтъ домовитости. Кажется, будто семья живетъ не у себя дома, а на квартирѣ, или будто она только-что перѣехала и еще не успѣла освоиться...

Чаще всего г. Чеховъ встрѣчалъ въ избѣ самого хозяина, одинокаго, скучающаго бобыля, который, казалось, оконченъ отъ вынужденнаго бездѣлья и скуки. На немъ вольное платье, но по привычкѣ, шинель накинута на плечо, а на столѣ валяется фуражка безъ козырька. Бывало и такъ, что кромѣ хозяина, въ избѣ находилась цѣлая толпа жильцовъ и работниковъ. На порогѣ сидитъ жилецъ каторжный, съ ремешкомъ на волосахъ, и шьетъ обувь. Въ сѣняхъ, на лохмотьяхъ, лежатъ его дѣти, а въ тѣсномъ и темномъ углу, жена, пришедшая за нимъ добровольно, дѣлаетъ на маленькомъ столикѣ вareniki съ голубикомъ. Дальше, въ самой избѣ, человекъ пять мужчинъ, которые называютъ себя: кто—жильцомъ, кто—работникомъ, а кто—сожителемъ. Одинъ стоитъ около печки, и надувъ щеки, выпучивъ глаза, паяетъ что-то; другой, съ дѣланно-глупою физиономіею, бормочетъ разную чепуху. Остальные хотятъ въ кулаки. А на постели сидитъ вавилонская блудница, сама хозяйка Лузерья Непомятая, лохматая, тощая, съ вес-

См. об. →